

Глава 5. Фусун

Гу Суйчжи с любопытством наблюдал за разыгравшимся представлением. Похоже, он все же немного заблуждался на счет Мо Сюня.

Они прибыли на место раньше Мо Шестнадцати, и каждое движение стража было у них как на ладони. Гу Суйчжи даже искренне изумился:

— У тебя что, есть брат-близнец?

Юноша, не выпуская из рук меча, отозвался бесстрастно:

— Это Мо Шестнадцать, тайный страж, выращенный семьей Мо. Он большой мастер перевоплощений.

Мо Сюнь прожил в Дивном крае Хуами несколько десятилетий. Пусть большую часть времени он проводил в странствиях или в уединении, окружающие люди не были для него загадкой. О тех, кто входил в ближайшее окружение Мо Чжияня, он знал почти всё.

К тому же, вернувшись в прошлое, Мо Сюнь сохранил часть памяти своего врага. Он точно знал, что Мо Чжиянь отправит именно этого человека, способного безупречно скрывать свою личность.

Расстояние между северными землями и этим захолустьем исчислялось тысячами ли. Лишь великие мастера стадии Великого вознесения способны преодолеть такой путь за день, остальным же приходится полагаться на постороннюю помощь. У Мо Чжияня сейчас не было под рукой столь могущественных слуг. Времени оставалось мало, а дело было настолько деликатным, что чем меньше людей о нем знало, тем лучше. Даже если бы обстоятельства изменились, Мо Чжиянь вряд ли стал бы менять исполнителя.

— Напугал до смерти, — хмыкнул Гу Суйчжи. — Я уж грешным делом подумал: если твоему отцу подменили сразу обоих сыновей-близнецов, то ему в этой жизни ловить больше нечего. Можно смело умывать руки и идти на покой.

Увидев, как самозванец стучит в дверь, а беспечный сынок семейства Ли впускает его внутрь, Гу Суйчжи невольно нахмурился.

— Старший... — начал было Мо Сюнь.

— Не одобряю, не советую и не разрешаю, — отчеканил Гу Суйчжи, предваряя любую просьбу.

— ? — Мо Сюнь замер.

Тени деревьев плясали в лесу, ложась причудливыми узорами на грязную листву. На лице юноши отразилось искреннее недоумение. Его спутник решил, что тот собирается броситься на выручку, и поспешил выдать категоричный отказ. Спасать такое никчемное создание — только время зря тратить.

Однако Мо Сюнь лишь хотел уточнить:

— Старший, если я обнажу этот меч перед адептами праведных школ, меня не раскроют?

Всё же это был бывший Меч Владыки Демонов.

— Не узнают, — бросил Гу Суйчжи с явной скукой в голосе.

— Но почему?.. — юноша засомневался.

Оружие, которым так жаждал завладеть Мо Чжиянь, «дитя удачи», должно быть легендарным артефактом древности, известным на весь мир.

— Несколько тысяч лет назад, на пике своего могущества, этот клинок узнал бы каждый встречный. Но сейчас ты слишком слаб. Меч боится, что ты просто не выдержишь его мощи, а потому запечатал себя наполовину. Он словно добровольно изуродовал собственное лицо — так что никто ничего не поймет.

— Ясно, — коротко ответил Мо Сюнь.

Мо Шестнадцать уже скрылся в доме вслед за Ли Чжунчэном. Собеседник Гу Суйчжи стоял в тени деревьев, сжимая рукоять, и не шевелился. Он ждал, пока сталь самозванца не полоснет Ли Чжунчэна по руке и не занесется над его грудью. Лишь тогда Мо Сюнь выхватил клинок.

Всё шло как надо. Раз уж самому Мо Сюню не с руки было проучивать непутевого братца, пусть это сделает подделка. От этой мысли у Гу Суйчжи на душе стало подозрительно тепло.

Впрочем, идиллия длилась недолго. Ли Чжунчэн, едва придя в себя, тут же принялся за старое:

— Да кого ты умудрился прогневить?! Нас чуть в собственном доме не вырезали! Мало того, что родителей едва не лишил жизни, так еще и меня подставил!

Обида душила его; он смотрел на старшего брата с нескрываемым обвинением.

Мо Сюнь стоял чуть поодаль, слегка повернув голову. Черные, как тушь, волосы рассыпались по плечам, а на фоне убогого двора его бледное лицо казалось неземным, почти пугающим в своей красоте. Ли Чжунчэну на миг почудилось, будто взгляд брата стал чужим — холодным и совершенно незнакомым. В сердце юноши закрался страх.

Он всегда немного побаивался своего названного брата. Пусть тот не был ему родным по крови, родители любили обоих одинаково. Но Мо Сюнь повзрослел слишком рано, взвалив на себя бремя забот о семье, и его рассудительность невольно подавляла. Ли Чжунчэн, будучи единственным кровным сыном, в присутствии брата вечно чувствовал себя никчемным, словно ему не давали дышать.

Мо Сюнь всегда был немногословен и строг в том, что касалось учебы, но к брату относился с мягкостью. Теперь же он смотрел на него так, будто... Будто перед ним стоял не близкий человек, а случайный прохожий. Нет, даже прохожие не смотрят с таким ледяным безразличием.

Ли Чжунчэн всмотрелся в его лицо. Неужели ему кажется, или глаза брата стали разного цвета? Левый зрачок выглядел куда более блеклым и холодным, чем правый. Возникло жуткое чувство, будто за глазами Мо Сюня... прячется кто-то другой.

Мо Сюнь смотрел на него спокойно, но за этой маской безразличия всплывали призраки прошлого. Ли Чжунчэн уже говорил нечто подобное...

«Это ты убил моих родителей! Ты — проклятая звезда несчастья! Лучше бы мы никогда не находили тебя, лучше бы ты сдох с голоду!»

«Почему ты еще жив? Почему не сдох вместо них?!»

«Верни мне отца и мать! Верни!»

В тех воспоминаниях одежда Ли Чжунчэна была в пятнах крови, а сам он, обезумев от горя, тряс Мо Сюня за плечи, разрывая едва затянувшиеся раны. Лицо подростка, искаженное ненавистью, стояло перед глазами. Он мечтал выпить его крови и вырвать сердце, обвиняя во всех бедах. Его голос срывался на истошный хрип:

«Проваливай! Чтобы я больше никогда тебя не видел!»

Картина сменилась.

Великий зал Сяохэ в Дивном крае Хуами. Повзрослевший, изможденный юноша стоит на коленях на холодных плитах. Захлебываясь слезами, он вещает о том, как Мо Сюнь разрушил их дом и бросил его на произвол судьбы.

«Едва родителей предали земле, он узнал, что принадлежит к знатному роду. Подлил мне сонного зелья, а когда я очнулся — его и след простыл...»

Его голос дрожал от мнимой боли, он каялся и молил о пощаде:

«Разве посмел бы я возводить напраслину на бессмертного господина? Мне просто некуда идти, я умираю... Пощадите, только не убивайте...»

Золотые лotosовые фонари тянулись вдоль стен зала, и в их зыбком свете лица старейшин казались безжизненными масками. Владыки семидесяти двух пиков взирали на него с высоты своих тронов: кто с презрением, кто с жалостью, кто с показным милосердием. Эти лживые обвинения навеки пригвоздили Мо Сюня к позорному столбу.

Он хотел объясниться, но... За спиной юноши, на драгоценных плитах зала Сяохэ, лежали два скелета. Годы стерли плоть смертных, и теперь пустые глазницы супругов Ли, казалось, сверлили его взглядом.

«Ты убил нас... неужели ты погубишь и нашего сына?»

Горло перехватило, он не мог выдать ни звука. Пока все вокруг проклинали его, Ли Чжунчэн с подобострастием цеплялся за расшитый лotosами рукав Мо Чжияня, называя того братом. Казалось, они и были настоящей семьей. Впрочем, так оно и было — в их жилах текла одна кровь.

— Вот как? — губы Мо Сюня тронула едва заметная усмешка, в которой сквозила горечь и яд. Но это выражение исчезло так быстро, что никто не заметил. — Значит, мои враги?

Ли Чжунчэн выпалил:

— А кто же еще?! Зачем ему было принимать твой облик, если он тебя не знает...

Свист!

Мо Сюнь резким движением взмахнул мечом. Острие пробило плечо Мо Шестнадцати и вышло с другой стороны, взметнув облако кровавой пыли.

Ли Чжунчэн едва не зашелся в крике. Лицо стража исказилось, на висках вздулись вены, он отчаянно боролся с болью, чтобы не закричать.

Мо Сюнь медленно перевел на него взгляд, подрагивая густыми ресницами. Одним точным движением кончика меча он подцепил что-то в складках его одежды и подбросил в воздух.

Предмет описал в небе дугу и упал прямо в ладонь юноши. Это была нефритовая подвеска — прозрачная, словно горное озеро, с вырезанным в центре распускающимся лотосом. Золотая кисточка покачнулась на ветру, принеся с собой тонкий, едва уловимый аромат.

Пальцы Мо Сюня сжались, и изящный нефрит с хрустом рассыпался в пыль. Белый порошок посыпался на землю. Ли Чжунчэн, не понимая, что происходит, на миг притих, но вскоре вновь набрался наглости, собираясь продолжить допрос.

Однако поверженный Мо Шестнадцать, обливаясь холодным потом, смотрел на своего обидчика с нескрываемым ужасом. Эта подвеска была жетоном адепта Дивного края Хуами. И не простого ученика — такие знаки отличия носили лишь личные ученики старейшин.

Разбитый нефрит означал, что ученик в смертельной опасности. Каждый, кто находился поблизости, должен был почувствовать сигнал и поспешить на помощь. В таком захолустье появление старейшины было маловероятным, но дело приняло скверный оборот.

Перед отъездом Мо Чжиянь сотню раз предупреждал его: один из великих старейшин школы скоро будет проезжать мимо этих мест. Задание должно быть выполнено тихо, не привлекая лишнего внимания. Провалить миссию — полбеда, но раскрыть себя...

Для тайного стража предать хозяина — худшая участь. Мо Шестнадцать сгорал от раскаяния. Он не принял эту семью всерьез и не избавился от жетона заранее. И теперь этот парень нашел его и уничтожил на месте.

«Откуда... откуда он вообще знает о таких вещах?!»

Техники разных школ во многом схожи, но дьявол кроется в деталях. Страж видел, что Мо Сюнь практикует нечто, не имеющее отношения к Дивному краю Хуами. Значит, он не был их учеником. Как же тогда простой бродячий заклинатель из глуши мог знать, как выглядят жетоны личных учеников великой школы?

Но раздумывать было поздно.

Спустя мгновение небеса содрогнулись от мощного духовного импульса. Лес заволновался, точно море, и стаи испуганных птиц с криками взмыли ввысь. Пыль на дороге закружилась вихрем, слепя глаза.

— Кто ты такой, что посмел поднять руку на ученика моей школы?

Величественное давление обрушилось сверху. Самого заклинателя еще не было видно, но его низкий голос эхом раскатился по горам. На землю бесшумно опустилась фигура в черном одеянии и короне из фиолетового золота. На широких рукавах красовались сложные лотосовые узоры. На вид мужчине было не больше сорока, его строгое лицо украшала аккуратная

бородка.

— Ого, стадия Великого вознесения, — присвистнул Гу Суйчжи.

Путь совершенствования долог: Очищение Ци, Создание основ, Золотое ядро, Зарождающаяся душа, Исход души, Единение с телом, Великое вознесение, Преодоление скорби, Превращение в божество. Чтобы достичь таких высот, человеку нужно прожить гораздо дольше, чем позволяла судить внешность незнакомца.

Мо Шестнадцать зажмурился. Сердце его наполнилось отчаянием. Это был старейшина Фусун — человек, чья честность в Дивном крае Хуами была притчей во языцех. Он никогда не станет покрывать преступника.

Суровый взгляд Фусуна скользнул по присутствующим и первым делом приковался к белой пыли на земле — остаткам жетона, что призвал его. Однако стоило ему увидеть двоих юношей, один из которых лежал в крови, а другой стоял над ним с мечом, как брови старейшины сошлись на переносице.

Лицо этого парня... И тот, что на земле... Одежда последнего — несомненно, принадлежала адепту школы, но почему же они выглядят как две капли воды?

Старейшина Фусун пребывал в замешательстве. Не в силах сразу разобраться в ситуации, он спросил густым голосом:

— Что здесь произошло?

— Значит, вы утверждаете... — медленно произнес Мо Сюнь. Его голос, чистый и холодный, напоминал журчание горного ручья, в котором еще плавают льдинки. — Что это ученик вашей школы?

Фусун уловил в его словах подвох. Похоже, эти двое не были знакомы. Он внимательно изучил Мо Сюня. Достичь Создания основ к двадцати годам — несомненный талант. Старейшина заговорил чуть мягче:

— Именно так. Почему же ты, юный друг, ранил его?

— Почему? — спокойно переспросил Мо Сюнь. — Этот человек явился к моему порогу, принял мой облик и пытался убить мою семью. Я и сам хотел бы знать...

Он приставил лезвие к горлу Мо Шестнадцати и с горькой иронией добавил:

— Почему ваша школа позволяет подобное?

«Наш Дивный край Хуами всегда был оплотом добродетели и примером для всех школ Севера! Когда же у нас появились такие адепты?! Помыкаешь слабыми, забыл о благодарности, польстился на богатство... Ты опозорил всё наше имя!»

Те старые упреки до сих пор звучали в ушах Мо Сюня — каждое слово, полное притворного негодования.

— Будьте добры, почтенный старейшина, объясните мне всё это, — юноша повернул голову, и в его глазах на миг вспыхнул багрянец, тут же сменившийся ледяным блеском. Голос его оставался ровным. — Неужели ваша великая школа решила, что может безнаказанно угнетать слабых, пользуясь своей властью?

<http://bllate.org/book/15862/1432201>